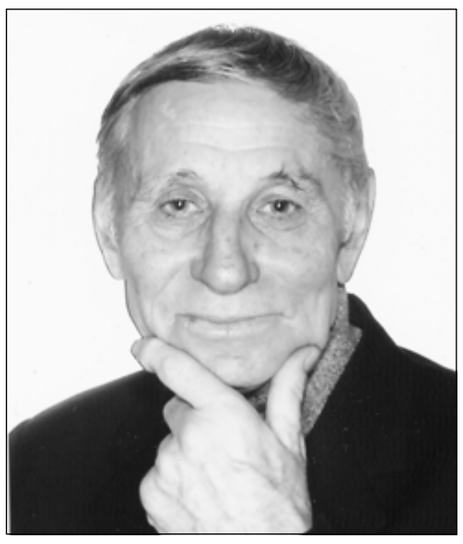
ВОЗВРАЩЕНИЕ

В этом светлом краю,
где берёзы стоят отрешённо,
Полыхнёт на мгновенье лиловым закатом река.
И откликнутся взбалмошным криком вороны
И потянутся в сумрачье леса, покинув луга.
Наплывающий сумрак
размоет границы пространства,
И друг к другу прильнут
всё плотнее в деревне дома,
Ожидая, что жители
всё ж возвратятся из странствий
И покой обретут,
надышавшись свободой сполна.
Одинокий петух прокричал вдалеке безответно.
Что я жду в этом брошенном русском краю?



В потемневшую патину прошлое щедро одето,
Листопад засыпает в осенней грязи колею.
Дверь открылась легко,
словно здесь побывал лишь вчера я.
В полуветхом сарае
нашёлся мой старый топор.
Дров добыл,
и затеплилась печка, привычно играя
Живоносным огнём,
расплескав немудрёный узор.
И начнут оживать старомодные вещи, и звуки
Будут дом наполнять,
отзываясь печалью во мне
Об ушедших, забывших
о древней житейской науке,
Что не сыщешь желанного счастья
в чужой стороне.
Я уснул на рассвете.
Мне снились цветные парижи
И машины, и поле, и голос знакомый, родной.
А когда поздним утром
я встал, с удивленьем услышал,
Как на радостный крик петуха отозвался другой.

* * *

Памяти моряков АПЛ «Курск»

Уходим в последний поход.
Высокое небо над нами.
Под флагом Андреевский флот
Святится друзей именами.
Растают причалы вдали,
Погаснут огней вереницы.
И сладостный запах земли
В солёных ветрах растворится.
Целует форштевень волна,
Крик чаек прощальный всё глуше.
Пропахшая морем весна
Ласкает бессмертные души.
Мы плавно идём в глубину,
Не знаем – на день иль навечно.
Сквозь сумрачных дней пелену
Горят поминальные свечи.

НАВАЖДЕНИЕ

Этот старый баркас у забытого морем причала,
Он хранит ещё в памяти скрип
загребного весла,
И холодную прозелень круто идущего вала,

Николай БЕСЕДИН

Пророчество

Голоса лесорубов, где ель вековая росла.
И возникнет
среди городской суеты наважденье,
Будто вновь с корешами
в одном я шагаю строю,
И с таким позабытым и светлым
таким вдохновеньем
О геройском «Варяге» и громе орудий пою.
А когда наважденье
в реальности дня растворится,
И погибнет «Варяг», и уйдут кореша в никуда,
Будет долго ещё моё сердце отчаянно биться,
И в пустынном заливе блестеть голубая вода.

* * *

Издревле повелось: терпите и воздастся!
Но беспощаден мир и ветер века крут.
И рушатся любовь, семья и государства,
И силою молитв из пепла восстают.
Устав читать, монах к утру закроет келью,
Погаснет в храмах свет, остынут алтари.
Но мать поёт, склонясь над детской колыбелью,
И в небеса опять взмывают сизари.
Кто скажет, где предел у русского терпенья?
У мёртвых деревень, у работяг спрошу,
У выжженных лесов, и у полей весенних,
В рыбацкой гавани прогнившую баржу.
Всё так переплелось и так необъяснимо!
Гуляет молодость над прахом прежних лет.
И над избой крестьянской тает струйка дыма,
И согревает ночь неодолимый свет.
Таинственные сны зовут меня и мучат,
И голос слышится, спокоен и суров:
– Любовь, одна любовь прощать тебя научит,
И не прощать вовек научится любовь.

* * *

Всего-то лавочки не стало,
А старый парк осиротел.
Блуждает взгляд вокруг устало.
Как мало душ… Как много тел…
Тогда не дни текли, а время,
Любовь рождалась в небесах,
Тогда кружило вальсы племя
С победным отблеском в глазах.
Сегодня музыка другая.
И пляшет в парке городском
Не племя, а чужая стая
Под ритмы рэпа и «мадонн».
Над ними тени сновидений,
И правит ими тайный страх,
Непредсказуемость движений
И пустота в немых глазах.
Для них страшнее нету раны,
И ни покрышки нет, ни дна,
Когда погаснут вдруг экраны,
И вдруг наступит тишина.
Иду – здесь воздуха мне мало –
Туда, где тихий листопад.
Как жаль, что лавочки не стало,
Как жаль, что вальсы не звучат.

ПРИТЧА О ДУРАКЕ

Было время, Русь стояла
И врагов одолевала
Где уменьем, где числом.
Испокон за крепким тыном,
Хоть умри, росли три сына –
Двое умных с дураком.
Ну а девок не считали.
Так и жили, хлеб жевали.
А случись – придёт беда,
Шли сперва два умных брата,
Чтоб осилить супостата,
Да справлялись не всегда.
И тогда слезал с палатей
Третий сын – дурак патлатый,
Воевал совсем не так,
Словом, дрался по-дурацки,
Но спасал братьёв по-братски.
И куда девался враг?!
Шли века, года бежали,
Бабы меньше всё рожали –
То ль не стало мужика?
То один в семье, то двое.
Как тут справишься с бедою,
Если нету дурака.
Сядут умники по кругу
И давай учить друг друга –
Речи умные ведут.
Слева плачут, пляшут справа.
Глядь – ан нет уже державы.
Правда, гимн ещё поют.
Износилось населенье,
Нету бабьего хотенья,
Двух родить – и то никак.
Вот бы дом – где трое – встретить!
Только где он – этот третий,
Наш спасительный дурак?

ПРОРОЧЕСТВО

Устала плоть служить душе
И взбунтовалась, взбунтовалась.
И вот от совести уже
Живого места не осталось.
– Всё можно! – разум ликовал,
– Даёшь свободу! – плоть кричала.
– Где голос твой? – я душу звал,
Но неразумная молчала.
– Смотри, – я говорил, – всё зло
Повылезло, не зная страха,
Полынью поле поросло,
Кровь правды оросила плаху.
Любовь покинула сердца,
И память корчится от боли,
И нет предательствам конца,
А ты молчишь!
Скажи – доколе?
И с высоты сквозь стадный рёв
Я голос услыхал мессии:
– Когда с креста прольётся кровь
Твоей возлюбленной – России.

* * *

Вернешься ты, а я уже пропала.
Как лишний день в каком-нибудь году,
Ты выйдешь из подвального портала,
С чердачного окошка ль в темноту.
Квадрат вселенной,
маленький и тусклый,
Как телевизор с линзой приставной.
Я все-таки надеялась на чувства,
Хотя и обжигалась новизной,
Но складывала странные приметы
К привычкам, в переметную суму.
Ты богом стал
над этим тщетным светом.
Я, в общем, и не знаю, почему.
Вернусь, а ты прозрачно непричастен
К застиранным исподкам февраля…
И голосит в проулке старый ясень,
И тогда не стыдно, умница! Молоток!
И тогда дорожка будет тебе легка…

Научай, коль умеешь
других, паучиха-мать,
И стелись чуть ниже
колышков остевых…
До последнего вдоха
хочу я тебе внимать,
До последнего дня
сидеть у колен твоих.

* * *

Где я была, пропах травою плес
И рыбьи позвонки вросли в песок.
Над ржавой краснотой лесополос
Сырой закат встаёт наискосок.
И ничего не видно в густоте

Екатерина БЛЫНСКАЯ

Снаружи тьма, но ты царишь над тьмою

И трескается ржавая земля
Под снежными тяжелыми пластами.
Пора родиться крошечной весне,
А я ещё пишу, ещё листаю,
Ещё не верю, что тебя здесь нет.

* * *

Ты являешься мне
и не щедр, и не добр,
Как оттенок меж светом и тенью.
Не хочу больше этот разгадывать код,
Приходи к моему отчужденью.
Разве только
искусственно верить начать
В старый бред
с безусловной любовью.
Но в мое одиночество ты, по ночам,
Приходи к моему изголовью.
И шепчи, перебив заиканье часов,
Что не знаешь высоких материй,
Даже если закрою я дверь на засов,
Приходи к моему недоверью.
Потеряв меня в соре, попытках, вещах,
Без обеда всю жизнь отработав,
Приходи обязательно, как обещал,
Потому что ведь должен хоть кто-то…

* * *

Перешей, говорила, бабка, свое шитье
Состебала,
как курица лапой, наперекос.
Мне бы мать устроила,
знаешь ли вот чего…
Нас учили стараться,
а с вас невелик и спрос,

Нитка вьется,
но как рисунок ее непрост…
Что же вы создадите,
спустя свои рукава,
Говорила бабка, а мне за стеною слез
Не понять тогда было,
как же она права!

Десять раз распустить
и снова смотать клубок,
Десять раз отмерить,
стук сердца ловить в висках,
Тумана, освежённого весной.
И ничего не можется хотеть
В извечной неприютности земной,
В желании пустом опять процвесть,
Пронизать прошлогоднюю листву,
Ловить дождя живительную взвесь,
Потворствуя живому естеству.
Заряженные птицами леса,
Спрямленные горбы экосистем,
А я расту, как дерево бонсай
В стаканчике, придавленная всем.
Есть у меня клочок сырой земли.
Он, собственный, в запутанных корнях,
И сколько б кто со мною ни шалил –
Никак не оторвать их от меня.
Вцепились корни в жалкий чернозем,
И хорошо, что им неведом спуд.
Спрошу и отвечают мне: живём.
Взгляну и понимаю, что живут.

* * *

Гуси-лебеди шумно летят, продольно.
За ребро цепляют
мальчишку жалкого –
И уносят в теплую тьму недоли,
Где июль пророс через ночь фиалками.
Но кому-то нужен тот непослушник…
И сестра, подолом подметая путь:
– Братец, пробегу я земную сушу,
Только ты продержись
там, ещё чуть-чуть…
Если пряжа колюча, зорка Ягишна,
Позови из подпола мышку серую…
Пусть прядёт за тебя, я из леса вышла,
Я уже приближаюсь, уже у двери я!
Налетают гуси, не схорониться,
Оборвамшись, замерзнув,
к тебе бегу я…
О колючки рву покупные ситцы,
Потеряла ленточку дорогую…
Да и что мне теперь…
На колючем тыне
Черепушки светят, покоем блазнят,
Недвижима туманная полсть полыни,
Хохот неясытей ночных ужасен…

Пышные ломти маслянистой пашни…
И тепло живое в затылке греет…
Засыпайте дети…
Так было раньше.
Все спаслись.
Пора засыпать скорее.
Чайник пыхнул,
кот завопил истошно…
Датчик света мигает, соседи бесятся…
Бабушка Яга, дай поспать немножко…
Вытяни из косм половинку Месяца…

* * *

Вот уже растеплилось, посвежело,
Несмеяны сидят по домам в тревоге.
Пропадать им что ли одним не дело.
Через воду блещут кресты Мологи.
Так захлынуло нас
в неприютном доме,
В том разломе,
важно ль году в котором,
Белый всадник тихо стоит на стрёме
И играет новеньким шестопёром.
А наступит миг и сморгнет он дрёму,
И кромешник вздрогнет, сжимая биту.
А пока Венера дрожит над домом,
А пока в нем живы, пока в нем сыты.
Торопись скворец, торопись кукушка,
Голубень в разливе, гони с разгона.
Никому не важно, что ты разрушен,
Ничего не слышно из-под бетона.

* * *

Никто не пишет
письма нам, пропавшим
Под ломким льдом царящей немоты.
Солдатики сломаются на марше,
Сердца их оловянные чисты.
Но мы, как крылья, пёрышки заносим:
Ах, я давно забыла этот слог!
Напрасно нас спасало много весен
Неведенье, тяжёлое, как смог.
Усталость разделяет половины.
Тягуч сезон, что скреп не разогнешь.
Лишь в сквере черноногие рябины
На детские коляски сыплют дождь.
Такая осень, что морозит сладко
До кадыка доставшая печаль.
И плачешь о потерянных перчатках,
Как будто их на самом деле жаль.

* * *

Человек очень стар и он пишет в стол.
Он не любит шоу, тусовки, дебаты.
У него исписалось сердце, и «корвалол»
Заменили давно серьёзные препараты.
Человек пишет в стол, а попадает в суть.
Он простой трудящийся Ноосферы.
У него нет читателей, есть Млечный Путь.
На пути свои звёздные Кордильеры.
Человек целит в яблочко. Яблоко раздора.
В самое яблоко грехопадения.
Человек падает. Его увозят на скорой.
И, хотя увозят без промедления,
В справке о смерти – «сердце исписано»
Названо просто «инфаркт миокарда».
Человек писал в стол.
Что писал – не признано,
Не включалось в концерт
популярного барда.
Человек писал в стол.
И какое судьбы дуновение?

Владислава БРОНИЦКАЯ

От меня до тебя световые годы любви

Кто прочтёт? Что решит?
Бесценно ли? Дикий сон?
Ожидают строки его
только прах и забвение?
Или судьбы поворот Эмили Дикинсон?

* * *

Не поются мои стихи. Быть ли песне?
Рваным ритмом
пульсирует тахикардия слов.
Были б строки мои и светлей и чудесней,
Но растут из иных корней,
снов иных и основ.

Я бы всем раздала и здоровья, и счастья,
и ума и совести выше среднего.
Просто здесь слишком много
плюющих в небо,
пытаясь себя продавать.
И последний человек
погибнет, делая селфи
на фоне погибшего предпоследнего.
А ведь так, казалось бы,
просто не холуйствовать и не лгать…

На коленях стоять,
лишь молясь перед боем,
или шнуруя берцы…
Я рисунки сломанных судеб
кардиограммою править пытаюсь.
Просто я пишу, как живу.
И за Родину рву своё сердце.
Просто я пишу, как дышу.
Вместе с Родиной задыхаюсь.

* * *

Хочется в сказку.
В прекрасную добрую сказку.
Где бьёт по крыше серебряное копытце.
Сердце горячее льды побеждает.
Волшебную ласку
дарят друг другу.
Как хочется сказкой забыться.
Хочется сказки. Неистово хочется чуда.
Встречи счастливой, любви и спасений.
Счастья, подарков, сюрпризов, но груда
тел искорёженных,
сжатых фрагментов в месте падений
всех самолётов, и мин, и снарядов, и ядов
снегом пушистым и белым не маскируется.
Ангелы гибнут –
невинные дети,
люди достойные рядом…
Каждый морозный узор
мне осколками «Града» рисуется.
Все мне снежинки
слезами кровавыми кажутся.
И фейерверк прожигает фосфором белым.
И распадаются судьбы
во мрак, светом вместе не вяжутся.
И не метель – плач и скорбь
по земле ставят новые стелы.
Будут с экранов блевать
мишурою цветастою.
И, расщепляя сознание, делать клиповым.
Будут мозги выжимать,
как из тюбика с пастою.
Что ж, попляши на костях
и послушай липовых
Сказок про то, как добры и цари, и бояре,
и как заботливы. С памятью сказки растают.
Хочется в сказку отчаянно?
Выпей «бояры».
В сказки из триллера не попадают…

* * *

Что мне делать, чтобы слова были жгучи?
Чтоб строфа звучала заклятием?
Чтобы слово моё разгоняло тучи?
Чтобы дар не случился проклятием?

Папоротник найти?
Кто его видел – цветущий?
Спутаны все пути.
Дай подсказку мне, Всемогущий!

Пропевать про себя ритмы.
И вдыхать свою душу в вещи.
Приручать непокорные рифмы,
Призывая к себе сон вещий.

Привязать к городам стихии,
И цветы прорастить в снарядах.
И себя огранить, и стихи, и
Искупаться в лирических ядах.

И почаще сердцем касаться
До всего. Пусть изранит, бьет током.
Будет сердце гореть, разрываться,
Истекать поэтическим соком

На бумагу. И если останешься цел,
И разгонишь тучи, расплавишь лед
Целым роем словесных стрел,
Ты увидишь – папоротник цветёт…

* * *

Словно ангелы перья роняют,
или пух тополиный
По ошибке июньский обрушило небо.
Словно белые на деревьях хвосты
распустили павлины,
Собирая алмазы и крошки белого хлеба.
Кружевится, узорится,
серебрится зима.
Так волшебно картинна.
Растекается Млечный Путь по земле
миллионами звёздных снежинок.
Словно Бог снова мир наш ваяет,
и осталась лишь белая глина,
Белых цапель коронки,
и горсть крыльев ангельских
нежных пушинок.
Столько снега насыпала щедро зима,
его хватит на много веков.
Как за раны войны красотой
запоздалою платит.
На бессчетно фигур ледяных,
крепостей снежных, снеговиков.
На чудесные сказки, стихи,
и на множество чистых листков,
Но на то, чтобы горе
из памяти вымыть, – не хватит…

* * *

Он обо мне никогда не спросит.
Он мне уже никогда не напишет.
Скоро весна небо вывернет в просинь.
Станут ветра выть и глуше и тише.
Он не со мною, не мною он дышит.
Души, как реки, целуются ль в устье?
Он и не спросит, и не напишет.
Но и других в мои сны не пустит…

* * *

Правду сказать легко и приятно.
Ведь не калёным железом на языке.
Просто, как аромат карамели мятной,
Выдохнуть правду и в путь налегке.
Правду промолвить
радостно и приятно.
Как на Голгофу в путь,
как прыжок в неизвестность.
Просто, членораздельно, спокойно, внятно
Выдохнуть эту
смертельную бесполезность.
Правду всегда говорить
легко и приятно,
Сквозь завыванье шлюх,
на которых негде поставить пробу.
Правду о главном сказал.
Выжил? – Невероятно.
Правду легко говорить? – Попробуй.

* * *

Так давно у меня в груди
не плакало Солнце.
Не вплывал шёпот моря,
не рвались священные струны.
Кровь давно не кипела
молитвой распятого стихотворца.
Не всходили зори во мне и не таяли луны…
Не качаются больше во мне
ни песочные, ни воздушные замки.
Города мои древние не цветут.
Все умолкли станицы.
Прилетели снаряды,
и повсюду проехали танки…
И не ранят ни книги, ни имена.
Догорают страницы…
И остались кресты и руины.
Мачты рваные, сломанное весло…
Радиационный сверхтонкий пепел
из груди поднимается выше…
У меня было сердце,
способное мир согревать,
и спалить всё зло.
Оно больше не дышит…

г. Харьков

* * *

Несущий страшную заразу.
Подобен вычурному сглазу –
Я на просторах бытия
Для всех надолго стану главным,
Незримым, властным, своенравным,
Да и не главным – тоже Я!

Без цвета, запаха, летучий,
Я вездесущий и могучий,
И у меня хватило сил,
Когда при мировой огласке
На праздник праздников – на Пасху
Я даже Бога отменил.

Всему имея сопричастность,
Внесу я сразу в жизни ясность,
Что человеку человек
Не друг и брат, а только частность,
Прямая горечь и опасность,
Как некто снизу нам предрек!

Всё человеческое нечто
Должно быть преодолено!
И в этих формах бестелесных,
Что нам с рождения под стать,
Я буду слушать птиц небесных
И горним ангелам внимать.

* * *

Неужто ниспослано свыше,
Что землю в положенный срок
Захватят летучие мыши
И вирус – их главный пророк?!

Неужто в сраженьях за место
Под солнцем
в клетушках квартир
Держать под домашним арестом
Он сможет взбесившийся мир?

Мы строим вокруг оборону,
Надеясь вот так по-людски,
Возьмётся
за тяжёлый труд.
Омоется в чернильной влаге.
И рифмы бойко потекут!
Рука потянется к бумаге!
6.06.2020

* * *

Посещал всех без опаски.
Был в любое время вхож,
Но теперь
посредством маски
Я забыл, как я хорош!

Сердце требует простора
И хороших новостей,
Но сегодня я как Зорро
Всюду прячусь от властей.

Берегусь от злой природы.
И наверняка пойму
Ценность внутренней свободы
Через внешнюю тюрьму!
12.06.2020

* * *

Этим нечаянным вирусным летом
Я бы хотел быть только поэтом.
Семя не сеять, поля не пахать.
Птицей небесной по жизни летать.

Братья и сестры – дрозды и синицы,
Что же с нас взять,
мы пернатые птицы!
Что же – последнее жадно отнять
Право чирикать,
свистеть, ворковать?!
12.06.2020

* * *

Желая осмыслить своё бытиё
И только за то,
чтоб общался Ты с нами,
Мы многих убили во имя Твоё,
Сожгли на кострах, закидали камнями.

Друг друга вели от беды до беды.
Поскольку известно,
что немощен сущий,
Мы так замутили источник воды,
В жизнь вечную
с нами незримо текущий.

Свет светит во тьме,
но упорствует тьма.
И нет для того никаких оснований –
Войти в Твоё Царство дорогой ума,
Попутно не выбрав дорогу страданий.

* * *

И когда ты себя исчерпал,
И уже всё не будет как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.
Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам как слепой,
Он все время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести.
Ходишь тенью немого укора.
Всё отдать, чтоб Его обрести –
Непременная часть договора.

Вадим ТЕРЁХИН

Он всё время был рядом с тобой!

Меня повсюду будет много.
Я властью, данной не от Бога,
Земное племя обвиню
Во всех грехах, сгною в участке,
И с помощью обычной маски
Я этот мир разъединю!
14.05.2020

* * *

От язвы мировой
Таюсь в лесной избёнке.
Теперь я домовой
Поэт на удалёнке!

Бессрочно находясь
На карантине строгом,
Налаживаю связь
Я ежедневно с Богом!

Творю молитвы я,
Жгу восковые свечки.
Чтоб судьбы бытия
Предвидеть из-под печки.
2.04.2020

* * *

Человек – нечто,
что должно быть преодолено…
Ф.Ницше

Я жить хотел бы по Заветам,
Быть в очистительном огне
И наслаждаться только светом,
Но тьма упорствует во мне.
И если говорить о вечном,
Искать разумное зерно:
Что скоро грибную корону
Сорвём с его круглой башки!

И мир сразу станет понятен.
И правды взойдёт торжество.
И столько расплывчатых пятен
Мы спишем тогда на него!

* * *

Говорят, что каждый модник,
Чтоб от века не отстать,
Должен впредь носить намордник,
На собратьев не чихать.
И на долгие недели,
Будто брачное кольцо,
Человечеству одели
Эту тряпку на лицо!
Обязали чувством долга.
Намекнули, что беда,
Может быть, пришла надолго,
Ну, а лучше – навсегда!
Ни ответа, ни привета,
Непонятно, что к чему.
И на свете нету света,
Что рассеивает тьму.
19.05.2020

* * *

В медных трубах и в огне
В облаках, когда витаю,
Боже, ты всегда во мне,
Только я себя не знаю.
Я с туманною душой,
Непонятный, многоликий,
Сам себе во всём чужой,
Только ты один Великий!
Я прошу наедине
Под уютным сводом храма
Расскажи мне обо мне,
Как когда-то в детстве мама.

Убеди, что быть добру.
И заставь поверить чуду:
В то, что весь я не умру
И с Тобою вечно буду!
07.06.2020

* * *

Пускай Господь народ хранит!
И лишь о том мы Бога просим,
Чтоб нас терзающий COVID
Развился в Болдинскую Осень!
И мир, как Пушкин, в карантин,
Куда теперь любой зачислен,
Восстанет из своих глубин
Для торжества
свободной мысли.